
Раздел 2

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ РОССИИ И УРАЛА

УДК 94(47).071/072

В. В. Шибаев

ИСТОРИЯ ЛЕСНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И УПРАВЛЕНИЯ ЛЕСНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ УРАЛЬСКИХ ГОРНЫХ ЗАВОДОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Анализируются структурные, функциональные изменения в регламентации и организации лесного хозяйства уральских горных заводов первой половины XIX в., которые характеризуют поиск наиболее оптимальных форм регионально-отраслевого управления в условиях кризиса горной промышленности Урала.

Ключевые слова: лес; лесничий; лесное хозяйство; горные заводы.

Развитие горной промышленности, рост населения привели в начале XIX в. к увеличению потребления лесных материалов в заводских дачах. Органы управления лесным хозяйством на горных уральских заводах, успешно работавшие в предыдущем столетии, уже не справлялись с возрастающими объемами производства. Поэтому возникла острая необходимость в создании более гибких систем управления лесным хозяйством на горнозаводских предприятиях.

С этой целью 11 ноября 1802 г. был издан «Проект лесного устава». С помощью этого нормативного акта правительство было намерено решить три проблемы: упорядочить управление лесным хозяйством, наме-

тить систему мер для предотвращения сокращения лесных площадей и определить возможности получения максимальных доходов при хозяйственном использовании казенных лесов [ПСЗ РИ, т. 27. № 20506; Истомина, с. 39].

Для этого был образован Лесной департамент в составе министерства финансов. В его подчинение были переданы все государственные леса, в том числе и приписанные к заводам. В «Проекте» отмечались основные функции департамента: сбор сведений о территориях, занимаемых лесами, о роде деревьев, охрана лесов, учет и описание лесов с указанием расстояния от рек, заводов и селений, составление генеральных карты на леса по дачам, забота о разведении и размножении лесов [ПСЗ РИ, т. 27, № 20506].

Горнозаводские леса по курировались одновременно горным и лесным начальством. Лесной Департамент заведовал всеми лесами, и оберфорштмейстерам (главным лесничим) Вятской, Оренбургской и Пермской губерний по делам, касавшимся горных лесов, было «повелено» находиться «в сношении» с горными правлениями. Горные правления, в ведении которых находились лесные дачи, являлись самостоятельными учреждениями, но были вынуждены подчиняться по вопросам управления лесным хозяйством заводам правилам и предписаниям другого ведомства.

Горной администрации предписывалось «привести в ясность все планы на лесные дачи и иметь описание границ и живых урочищ с объяснением, по каким основаниям примезжваны леса к заводам». Ей было предоставлено право внутреннего размежевания, при этом было «повелено» уравнивать дачи между заводами и «наблюдать, чтобы всякий завод рубил не более годовой пропорции, по установленному порядку». Таким образом, горное ведомство, владея лесами, очутилось в роли «опекаемого», и при проведении описаний лесных горнозаводских дач возникли большие затруднения, связанные с необходимостью согласования вопросов по тем или иным поводам [Переход, с. 3—4; ПСЗ РИ, т. 27, № 20508].

По указу 1806 г. все леса, приписанные к государственным и частным заводам, перешли в ведение Горного департамента, созданного после реорганизации Берг-коллегии [Истомина, с. 40; ПСЗ РИ, т. 29, № 22208]. Этот документ получил название «Проект горного устава». Была узаконена сложившаяся на Урале система горных округов, и запрещено дробление округов при продаже заводов или передаче их по наследству.

Согласно его положениям для общего руководства горнозаводской промышленностью на Урале в 1806 г. было учреждено Пермское горное правление, которое состояло из двух департаментов. Первый занимался управлением казенными и частными заводами. В число его обязанностей

входили «отводы земель и лесных дач к новым и старым заводам, расследование дел о незаконном присвоении лесных угодий и других дел, не требовавших судебного разбирательства». Второй департамент был учрежден для гражданского судопроизводства дел, относившихся к горному ведомству. В его компетенцию входили «споры по лесам и землям, отведенным к частным заводам со смежными казенными заводами, частными владельцами и заводчиками» [ГАПК, ф. 300, оп. 1, л. 1—2; ПСЗ РИ, т. 29, № 13472].

Все леса, приписанные к заводам, передавались в полное распоряжение горного правления. Чиновникам Лесного департамента при министерстве финансов было оставлено право собирать различные сведения об этих лесах, следить за выполнением правил лесоводства, наблюдать, чтоб не вырубалось леса больше нормы, но «не вмешиваться во внутреннее распоряжение и управление заводских лесов, ни в наделение оными людей, имеющими в лесах нужду». Горное правление получило неограниченную власть над казенными, приписанными к заводам, лесами, а полномочия Лесного департамента были сведены к сбору сведений и пассивному наблюдению.

Непосредственную охрану горнозаводских дач осуществляли вальдмейстеры или лесные смотрители, которые назначались горными начальниками или заводчиками. В помощь им «для присмотра за лесами, содержания лесосек в исправности, для сбережения от пожаров и невольной вырубки» горные начальники определяли «нужное число» заводских казаков и работников. Охрану лесов осуществляли и лесобъездчики, выбираемые по одному человеку «от каждых 150 душ из крестьян и другого сословия людей», которые пользовались заводскими лесами и не состояли на заводской службе [Лушникова, с. 79; ПСЗ РИ, т. 29, № 22208].

Помимо лесной стражи, к охране лесов, «объезду заводских куреней» горная администрация широко привлекала горные военные команды, которые были учреждены в 1821 г. [ГАСО, ф. 25, оп. 1, д. 1584, л. 2—6 об.]. Срок службы в этих «военно-горных» командах был определен в 6 лет, после которого «отставные» могли поступить в лесную стражу в качестве запасных стрелков [ГАСО, ф. 24, оп. 10, д. 27, л. 96—97].

В начале XIX в. на уральских заводах для предупреждения пожаров в лесных дачах появились «огневщики». Они выбирались ежегодно из жителей горнозаводских округов и должны были руководствоваться в своих действиях специальными инструкциями, которые составлялись в горных правлениях. В мае 1803 г. Пермское горное правление издало для них наставление.

«Огневщикам» предписывалось «иметь крепкое и неусыпное охранение от лесных напольных пожаров денно и нощно». При обнаружении огня следовало принять все возможные меры по «его утушению», рапортовать в заводскую контору обо всех имевших место пожарах и искать виновных. При борьбе с лесными пожарами в основном использовалось «пускание встречного огня», вырубка просек на пути огня и т. д. Кроме этого, «огневщики» занимались надзором за пользованием лесных дач крестьянами из приписанных к заводам деревень, и следили за состоянием лесов [ГАПК, ф. 544, оп. 2, д. 9, л. 63—69].

23 октября 1827 г. был утвержден указ «О новом устройстве лесной части». В каждой губернии были образованы особые лесные отделения. Лесные массивы делились на лесничества, лесные участки, дистанции. Обер-форштмейстеры были переименованы в губернских лесничих. Форштмейстеры горных округов назначались министром финансов, а ученые лесничие (выпускники Лесного института) — Департаментом государственных имуществ [Арнольд, с. 228; Крылов, с. 76; Марней, с. 59—60; ПСЗ РИ, т. 31, № 24688; РГИА, ф. 37, оп. 13, д. 282, л. 7—22 об.].

В Камско-Воткинском округе по штатам 1828 г. для надзора за лесным хозяйством были определены вальдмейстер, помощник вальдмейстера и письмоводитель для делопроизводства, в лесную стражу было назначено 12 человек.

Согласно штатам 1829 г. в Гороблагодатском округе состояло пять классных лесных чиновников. В лесную стражу для непосредственной охраны лесов округа площадью в 10 тысяч квадратных верст было назначено 28 человек. В результате каждому лесному сторожу отводился участок в 42 тыс. десятин земли, «в котором уследить за какие-либо беспорядки было решительно невозможно» [ГАСО, ф. 24, оп. 10, л. 16; ф. 55, оп. 2, д. 2, л. 53—54; ф. 129, оп. 1, д. 19, л. 6 об., 14 об.].

По штатным расписаниям на Златоустовских казенных горных заводов в 1829 г. находилось четыре классных чиновника. В составе каждой заводской конторы был лесной стол, в который, как правило, назначались надзиратель по лесным делам и один-два копииста. Лесная стража состояла из 46 конных лесообъездчиков, 20 сторожей, назначавшихся в кордоны «по основным дорогам для освидетельствования провозимого леса» и 26 полесовщиков, «избиравшихся ежегодно из башкир и крестьян» [РГИА, ф. 37, оп. 13, д. 287, л. 285 об. — 287, 315—316, 339 об. — 341, 383 об. — 384 об.].

Должность форштмейстера была упразднена в феврале 1830 г., вместо нее была учреждена должность главного лесничего округа, который подчинялся непосредственно окружному горному правлению. В частно-

сти, леса Екатеринбургского горного округа были разделены на 5 дистанций соответственно входившим в него заводам и золотым приискам. В компетенцию и обязанности главного лесничего входило наблюдение и руководство всем горно-окружным лесным хозяйством. Он составлял годовые сметы о потребляемых лесных припасах, годовые отчеты об их расходовании, следил за своевременной сдачей «попенных денег» в казну, за охраной лесов от пожаров и самовольных порубок, за прохождением службы чиновников лесной стражи, руководил лесовосстановительными работами. В помощь ему придавался младший лесничий. Вальдмейстеры заменялись на лесничих горнозаводских дач для надзора и охраны эксплуатации лесов [ГАСО, ф. 36, оп. 1, л. 2—3].

Однако традиционные (с незначительной долей новации) организационные меры уже не спасали положения: лесные запасы в заводских дачах продолжали стремительно сокращаться. Во второй четверти XIX столетия на Урале уже на многих заводских дачах не хватало леса для обеспечения производственного процесса. Назрела необходимость в срочных мерах для бесперебойного обеспечения заводов древесным топливом, сохранения лесных ресурсов. Поэтому в 1830 г. министром финансов Е. Ф. Канкриным была утверждена «Инструкция об управлении лесной частью на горных заводах хребта Уральского по правилам лесной науки и доброго хозяйства». Она имела цель обратить внимание горного управления на состояние лесного хозяйства заводов, принять меры, необходимые для его улучшения.

Министр финансов назвал основные причины, приведшие к истощению лесов в отдельных горнозаводских округах Урала: крайне нерациональный расход леса; несовершенство лесного управления и охраны лесов; отсутствие точных границ лесных дач, данных о количестве лесов; беспорядочные порубки лесов в ближайших к заводам лесах.

Указывалось на необходимость приведения горных казенных лесов «в известность», т. е. провести в них окружное межзование, составить топографическое и статистическое описание, провести таксацию или оценку лесных массивов, с обязательным составлением лесных карт.

Следующим этапом должно было стать составление планов лесного хозяйства и «введение их в заводских лесах». Под лесным хозяйством подразумевалось устройство лесов по видам управления, определение годовых размеров вырубок и наиболее выгодных способов доставки древесины к местам потребления, применение мер к предохранению лесов от пожаров и охрана от самовольных порубок.

В этот документ вошли правила, составлявшие основные положения русской лесной науки. Была отражена основная задача горнозаводского

лесного хозяйства — получение из лесных дач максимального количества древесины с учетом естественного прироста. Указывалось на необходимость обучения «лесному делу горных чинов» на уральских заводах. Несмотря на то, что инструкция требовала выполнения «азов» лесной науки, ее практическое исполнение ознаменовало новый этап в развитии лесного хозяйства.

Она была предназначена для уральских казенных заводов, а частные заводы управлялись по правилам, изложенным в «проекте горного положения» [Инструкция об управлении лесной частью на горных заводах хребта Уральского, с. 2—16, 167—169].

«Для общего надзора по лесной части» при Уральском горном правлении был назначен чиновник по особым поручениям, так как по «штагам не положен главный лесничий заводов хребта Уральского» [ГАПК, ф. 300, оп. 1, д. 14, л. 1].

Положения «инструкции» закрепил указ Сената 1830 г., по которому леса казенных горных заводов Урала были предоставлены в исключительное ведение горного начальства [ГАСО, ф. 129, оп. 1, д. 35, л. 9—10 об.].

Постоянные жалобы на сокращение лесных ресурсов в горнозаводских дачах заставили правительство усилить организацию охраны казенных лесов. Поэтому в 1832 г. в штаты уральских горных заводов была введена так называемая «постоянная» лесная стража. Согласно этому нововведению предполагалось размещать в лесных дачах лесных стражников вместе с семьями на условиях «постоянного» проживания. Но и предложенного количества оказалось недостаточно, поэтому лесных стражников не хватало для охраны обширных лесных дач уральских горных заводов [Шелгунов, с. 363].

Горное начальство предполагало за каждым семейством закрепить обходы — «дистанции» от 150 до 600 верст, в зависимости от плотности заводского населения в округах.

В районах с большой численностью населения, в которых чаще всего происходили самовольные порубки, площадь обходов была определена в 150 верст, для малонаселенных — обходы в 250—400 верст, для наиболее отдаленных от заводов и населенных пунктов, с болотами и озерами — 600 верст. Так, в Богословском горном округе было назначено шесть обходов с «малой» площадью и два с «большой».

В лесную стражу набирались мастеровые люди «хорошего поведения». Лесные стрелки поселялись в центре вверенных им лесных участков вместе с семьями с тем расчетом, что члены семьи будут помогать в охране заводских лесов. Наделение их землей и угодьями, постройка домов, обмундирование и вооружение, выдача провианта и жалования,

обеспечение лошаадьми производилось за счет заводов. Из-за суровых климатических условий, не благоприятствовавших земледелию, Богословское горное начальство дополнительно выдавало лесной страже сверх «определенных пособий на каждое семейство» 54 пуда провианта в год [ГАСО, ф. 24, оп. 10, д. 27, л. 94—97].

В дополнение к указу Сената 1830 г. в 1833 г. был опубликован «Свод устава лесного». В этом документе особое место отводилось уральским казенным лесам, приписанным к горным промыслам, заводам и фабрикам. В его основу вновь была положена инструкция Е. Ф. Канкрина. Вопросы описания, межевания и наделения заводов лесами передавались горному начальству, было определено его место и роль в управлении горнозаводским лесным хозяйством. Горного начальника обязывали следить за разделением лесов на лесосеки, назначать места для следующих вырубок, информировать уральское горное правление о состоянии лесных дач [Лушникова, с. 80].

Борьба с самовольными порубками, их пресечение и выявление виновных являлись одной из главнейших задач лесной стражи. Многочисленные указы Сената, правительственные распоряжения и инструкции «по лесной части» требовали строжайшей охраны лесов, немедленного обследования мест самовольных порубок, выявления виновных, быстрого разбора дел и принятия «самых строгих мер к виновным». В противном случае стражники подвергались штрафам.

Но на практике все обстояло иначе. Как показывают архивные материалы, некоторые заводские конторы представляли сведения о «лесных преступлениях не сразу по поступления сигнала о правонарушении, а по прошествии нескольких лет; заводские исправники не выезжали на места самовольных порубок для определения их размеров, а осматривали готовые постройки из самовольно порубленного леса» [ГАСО, ф. 366, оп. 1, д. 119, л. 1.].

От самовольных порубок больше всего страдали леса казенных заводов, находившихся ближе к Екатеринбургу, Перми и другим крупным городам. Для предотвращения незаконной вырубки заводские конторы прибегали к различным мерам охраны лесных массивов, в частности, к изъятию незаконно вырубленного леса. С 1835 г. горное начальство Пермских заводов стало выставлять в своем округе на всех подъездах к Перми лесные заставы для проверки билетов на заготовку дров. Министр финансов был вынужден даже несколько ограничить «рети-вость» горной администрации, издав соответствующее постановление о пропуске в город дров, относительно которых у горных чиновников не было доказательств тому, что они были заготовлены в заводских дачах [ПСЗ РИ, собр. 2, т. 7, № 5203; т. 11. № 9514].

26 декабря 1837 г. было создано министерство государственных имуществ. Ему были переданы леса «казенного ведомства». В составе первого департамента находилось два лесных отделения [см.: Крылов, с. 76]. Губернские палаты государственных имуществ имели право вмешиваться в вопросы управления горнозаводским лесным хозяйством. Однако пределы их компетенции были ограничены «спорными и общими» лесами [ГАСО, ф. 55, оп. 2, д. 103, л. 13.].

В 1838 г. были разработаны новые штаты Уральского горного правления, по которым впервые на Урале была введена должность главного лесничего горных заводов хребта Уральского. В его ведении находилось лесное отделение при Уральском горном правлении, на местах ему подчинялись окружные (с 1848 г. — старшие) лесничие, лесничие казенных заводов, под его надзором также находились заведующие лесами посессионных округов [ГАСО, ф. 156, оп. 1, д. 8, л. 44]. Первым главным лесничим уральских горных заводов стал И. И. Шульц [ГАСО, ф. 24, оп. 13, д. 502, л. 52; ф. 43, оп. 2, д. 1236, л. 73].

Таким образом, только с конца 30-х гг. XIX в. можно говорить о создании регионального управления лесными ресурсами горных заводов Урала. Его функции заключались в координации мер по описанию, охране и разработке правил по использованию лесов во всех шести лесных казенных округах на Урале, которые находились в Вятской, Оренбургской и Пермской губерниях, а также надзором за лесным хозяйством на частных и посессионных горных заводах.

По новым штатам предполагалось назначить в лесную стражу 752 человека, но, несмотря на увеличение числа лесных стражников, в среднем на каждого из них пришлось более 183 квадратных верст охраняемых лесных массивов [ГАСО, ф. 24, оп. 10, д. 27, л. 239—241].

По «Горному Уставу» 1842 г. Уральское горное правление в очередной раз было реорганизовано. Было создано четыре отделения, последнее из которых ведало вопросами рационального использования лесов горными заводами [Устав горный, ст. 542—546].

В том же году был издан «Лесной устав», который стал итогом всей политики правительства в вопросах устройства лесного хозяйства Российской империи вплоть до реформ 1861 г. В нем были подтверждены основные положения инструкции Е. Ф. Канкрин. Казенные леса, приписанные к промыслам, заводам и фабрикам и отведенные к частным горным заводам, полностью изымались из лесного ведомства и передавались в «исключительное заведование горного начальства».

В документе были отмечены основные обязанности горного правления: уточнение времени «приграничения и размеров приписанных к заво-

дам» лесов, границы заводских дач, разделение лесных массивов на лесосеки, определение ежегодного количества древесного топлива и лесных припасов, отвод к заводам новых лесов. При наделении металлургических предприятий лесными ресурсами горному начальству предписывалось в первую очередь отводить леса казенным заводам, работавшим на оброну [см.: Лушникова, с. 80—81].

По штатам 1847 г. в непосредственном подчинении главного лесничего уральских горных заводов находились помощник и 4 подлесничих [см.: Иванов, с. 54].

Во все казенные горные округа было назначено определенное количество лесных классов чиновников: на Златоустовские, Екатеринбургские и Гороблагодатские заводы — по пять, Пермские — два, Воткинский — два [ГАСО, ф. 129, оп. 1, д. 19, л. 16 об.; д. 22, л. 60; д. 27, л. 223]. Следует отметить, что на практике их число не совпадало со штатными ведомостями. В 1855 г. Екатеринбургских заводов числилось только двое лесничих, имевших классные чины, на Пермских — только один [Июсса, Горный журнал, 1857, № 2, с. 234; Он же, Горный журнал, 1857, № 4, с. 104].

Штатным расписанием число лесной стражи на Урале было сокращено, что было связано с введением так называемой «постоянной» лесной стражи [ГАСО, ф. 129, оп. 1, д. 35, л. 9 об.].

Согласно штатам 1857 г. по Гороблагодатскому горному округу, «в управлении лесной частью» состояло 5 классовых лесных чиновников, 5 подлесничих, 5 писцов, 10 лесных учеников и писцов, 53 лесных стражников. Таким образом, каждому стражнику отводился лесной участок в 20 тыс. десятин. Для ведения делопроизводства по делам «по лесной части» в канцелярии Главной конторы Гороблагодатских казенных заводов существовал лесной стол. В его компетенции находились следующие вопросы: управление и охрана заводских лесов; наблюдение за выжигом угля; оформление документов на отпуск лесных материалов заводам, населению, на строительство и ремонт строений и мостов, а также фиксировались дела по межевым спорам с частными заводчиками [ГАСО, ф. 129, оп. 1, д. 20, л. 119, 128, 133—134, 140].

Для борьбы с пожарами, приносившими горным заводам большие убытки в течение первой половины XIX в. происходило совершенствование организации лесной стражи путем издания штатов и правил «сбережения» заводских лесов. Перед этой стихией заводские власти и лесная стража были бессильны. Пожары зачастую возникали из-за несоблюдения элементарных правил пожарной безопасности при огневой расчистке участков, вырубленных на древесный уголь и проведении «куренной операции».

Несмотря на многочисленные инструкции, наставления, указы о предупреждении пожаров, лесная стража и заводские власти были бессильны перед этой стихией. Зачастую пожары охватывали большие площади, вспыхивая одновременно в нескольких местах. Только в одном Пермском горном округе большие пожары были зафиксированы в 1815, 1817, 1819, 1822—1824, 1826, 1831, 1833, 1837 и другие годы [ГАСО, ф. 129, оп. 1, д. 27, л. 203—207]. В Гороблагодатских лесах пожары свирепствовали в 1805—1818, 1823—1825 гг. В 1842 г. сгорели большие лесные участки в Режевском, Верхне-Невьянском и Нижнетагильском горных округах [ГАСО, ф. 43, оп. 2, д. 1934, л. 5, 8—9, 16—18; ф. 55, оп. 2, д. 2, л. 54; ф. 366, оп. 1, д. 135, л. 5; д. 150, л. 3]. Во время пожаров выгорали десятки и сотни десятин строевого леса, большие запасы куренных дров и угля и большие площади молодой поросли.

Для борьбы с пожарами Екатеринбургская главная контора предписала всем заводским конторам создать пожарные команды и в «пожарные старосты назначить непрременных работников сроком на 3 года из числа не задействованных в заводских работах с последующей их замены другими непрременными» [ГАСО, ф. 36, оп. 1, д. 192, л. 52].

Кризис горной промышленности не обошел стороной и частные заводы. Поэтому в законодательных актах первой половины XIX в. особое место было отведено регламентации взаимоотношений горного ведомства с частными заводами, пользовавшимися казенным лесом.

В 1806 г. был издан «Проект Горного положения». Согласно этому документу горное правление было обязано охранять «все леса, приграниченные к заводам казенным и партикулярным, состоящие в его ведении, выключая владельческие, по праву дворянства принадлежащие». Решение всех вопросов, относившихся к лесному хозяйству частных заводов, использовавших казенные лесные массивы, было целиком возложено на заводские конторы под непосредственным наблюдением заводских исправников.

Непосредственной охраной лесов занимались лесные смотрители, назначавшиеся заводчиками. «Для присмотра за лесом, содержания лесосек в исправности, сбережения от пожаров и неопозволительной вырубки» на несколько лет из мастеровых назначалось «нужное число лесовщиков». При необходимости на частных заводах к охране лесных массивов привлекались и лесобъездчики, которые избирались по одному человеку из каждых 150 душ ежегодно «из крестьян и другого сословия людей», пользовавшихся заводскими лесами, но не состоявших на заводской службе [ПСЗ РИ, т. 29, № 22208].

Следует особо отметить, что все указы Сената, правительственные распоряжения и инструкции по горнозаводскому лесному хозяйству в отношении частных заводов в основном носили рекомендательный характер.

Одной из главных обязанностей «лесовщиков» была борьба с самовольными порубками, их пресечение и выявление виновных. В 1812 г. вопрос о самовольных порубках и «других злоупотреблениях по лесной части» на горных заводах рассматривался в Сенате. В докладе министра финансов отмечалось, что пресечению самовольных порубок мешает несогласованность действий заводских контор и земской полиции, «отлагательства таковых следствий от первого времени до другого» [ПСЗ РИ, т. 32, № 25175].

В состав лесной администрации на частных заводах входили куренные мастера, выполнявшие во время углежжения «полицейские» функции — надзор за порядком на куренях и охрана заводских лесов.

Они упоминаются в штатных расписаниях 1816—1817 гг. горного округа А. А. Кнауфа. Так, на Иргинском заводе находились два лесных надзирателя и четыре куренных мастера, в Саранском — один надзиратель и два мастера, на Юговском — три надзирателя и шесть мастеров, на Курашимском — шесть надзирателей и мастеров и столько же на Бизярском. К лесному и угольному делу на Уинском и Шермянском заводах С. С. Яковлева было определено трое надзирателей и семь куренных мастеров [ГАСО, ф. 24, оп. 25, д. 377, л. 195, 200, 207, 211, 213, 221, 224].

Состояние лесоохранного дела на частных уральских заводах в первой половине XIX в. продолжало оставлять желать лучшего. Во многих владельческих и посессионных дачах «существенных усовершенствований в лесном хозяйстве не предпринималось». Лесозаготовки по-прежнему велись произвольно, «без достаточного попечения об экономическом употреблении лесных материалов», не уделялось должное внимание ни возобновлению, ни охране лесных массивов.

По мнению главного лесничего уральских заводов И. И. Шульца, такое положение было вызвано отсутствием лесных чиновников на частных горнозаводских владениях. Присмотр за лесами осуществляли вальдмейстеры (лесничие) или приказчики из заводских служителей, не имевших специального лесного образования [РГИА, ф. 37, оп. 5, д. 329, л. 3—5]. А заводские исправники имели множество других обязанностей и не были в состоянии заниматься еще и «лесной частью», хотя состояние лесов на частных заводах и подлежало их надзору [Лесной Устав, т. 8, ст. 356].

Главный лесничий уральских заводов в 1830-х гг. неоднократно предлагал передать лесное управление на посессионных заводах, пользовав-

шихся казенными лесами, в ведение Уральского горного правления для введения «доброго лесного хозяйства по правилам лесной науки». Так, в конце 1830 — начале 1831 г. вниманию министра финансов Е. Ф. Канкрин был представлен проект «О заведывании казенными лесами при частных горных заводах через Горное правление непосредственно». Эти предложения неуклонно отклонялись, так как требовали значительных денежных расходов и не соответствовали горному законодательству, на основании положений которого горное ведомство имело лишь право «надзирать» [РГИА, ф. 37, оп. 5, д. 226, л. 1—3, 14].

Увеличение народонаселения в горных округах и потребности населения в лесных материалах привели к росту самовольных порубок в заводских дачах и заставили владельцев и управляющих на частных горных заводах ужесточить контроль за использованием лесных припасов. С этой целью вслед за казенными, в дачах посессионных и владельческих заводов Урала появилась «постоянная» лесная стража. Ее окончательное закрепление в системе управления частной горноуральской промышленностью относится к концу 1930-х гг. [Шульц, 229—296].

В начале 40-х гг. XIX в. в Нижнетагильской конторе Демидовых для осмотра лесов был назначен один вальдмейстер и четыре лесообъездчика [ГАСО, ф. 36, оп. 1, д. 189, л. 23—24]. Лесная стража Алапаевских заводов насчитывала 23 человека. Позже им на помощь было придано 90 государственных крестьян, проживавших на территории округа [ГАСО, ф. 28, оп. 1, д. 1001, л. 10].

Лесная стража на частных горнопромышленных предприятиях должна была задерживать самовольных порубщиков в заводских дачах на месте, или на пути их следования. На основании предписаний министерства финансов от 1836 и 1840 гг. и положений «Лесного устава» 1842 г. заводские лесообъездчики имели право на производство обысков при ведении следственных дел. Обыски предписывалось производить при понятых и «положительной уверенности» в виновности подозреваемого в совершении самовольных порубок [РГИА, ф. 37, оп. 5, д. 329, л. 61 об.].

Во второй половине 1840-х гг. численность лесной стражи на частных заводах увеличилось. На Нижнетагильских заводах за лесами смотрело 98 конных и 4 пеших лесовщика; в Невьянской даче леса охраняли 27 конных и столько же пеших; в Ревдинской — 42 конных [ГАСО, ф. 55, оп. 2, д. 8, л. 39 об.]. В дачах Сысертского и Полевского заводов Турчаниновых и Л. П. Соломирского «к объезду лесов» были определены 23 конных [РГИА, ф. 37, оп. 5, д. 329, л. 55].

В отчете главного лесничего уральских заводов в Горный Департамент за 1847 г. дачи частных посессионных заводов по количеству десятин

и лесных массивов на одного лесного стражника были разделены на три основные группы.

По мнению главного лесничего уральских заводов И. И. Шульца, количество лесной стражи можно было признать достаточным лишь на тех частных заводах, где чувствовался недостаток в лесе. Так, в дачах Невьянских, Ревдинских, Шайтанских заводах Ярцева и Хомуницких Пономаревой на одного лесовщика приходилось 1,5—3,5 тыс. десятин.

В следующую группу попали те заводы, в дачах которых на каждого лесного стражника приходилось не более четырех тысяч десятин, при этом учитывалось количество населения в горных округах, которое также использовало лесные материалы. В эту категорию вошли Бемышевский, Лайский, Пудемский и другие заводы.

На остальных заводах лесной стражи было мало. Самая малочисленная лесная стража была на Киргинском, Кажимском, Уткинском наследников Демидовых, Сысертском и Полевском Турчаниновых и Соломирского, Сылвинском и Уткинском Яковлева. Так, в Сысертском горном округе на каждого лесообъездчика приходилось до 11 тыс. десятин, а на Уткинских Демидовых и Сылвинских Яковлева до 21—22 тыс. десятин [РГИА, ф. 37, оп. 5, д. 661, л. 52—59 об.; ГАСО, ф. 55, оп. 2, д. 52, л. 74—75 об.].

Частные заводские конторы затягивали выполнение положений «Инструкции» 1830 г. Так, в конце 40-х гг. XIX в. ежегодные сметы на расход лесных материалов были предоставлены заводским исправникам от Шайтанского завода только за 1841 г., Бисертская, Невьянская и Ревдинская конторы предоставили сметы лишь за 1846 г. [РГИА, ф. 37, оп. 5, д. 661, л. 63].

Кроме того, сведения о «лесных преступлениях» в частных дачах поступали в Уральское горное правление не сразу по поступлении сигнала, а через несколько лет. Заводские исправники относились к делу без должного внимания, «не выезжали на место самовольных порубок для освидетельствования их размеров, а осматривали готовые постройки из самовольно нарубленного леса» [ГАСО, ф. 366, оп. 1, д. 119, л. 1].

Поэтому виновники часто оставались безнаказанными. В 1848 г. только по одним Суксунским заводам не было принято мер по 70 порубкам. Главный лесничий отмечал, что «от такого порядка в производстве лесных дел, господствовавшего почти во всех частных заводах, преступления бывают редко открываемы» и требовал незамедлительных мер по выяснению незаконных порубок и наказанию виновных [ГАСО, ф. 43, оп. 2, д. 1934, л. 5, 8—9, 16—18; ф. 55, оп. 2, д. 2, л. 54; ф. 366, оп. 1, д. 150, л. 3; д. 251, л. 5; д. 135, л. 118, 162; ф. 129, оп. 1, д. 27, л. 27].

Наибольшее внимание вопросам организации лесного хозяйства уделялось в Пермской горнозаводской вотчине графов Строгановых и Симском горном округе А. Балашева.

Общий земельный фонд Пермского нераздельного имения Строгановых в первой четверти XIX в. составлял свыше 1 млн десятин [Маханек, с. 269]. В него входили земли Екатеринбургского, Кунгурского, Оханского, Пермского, Соликамского уездов. Кроме того, в составе «заповедного» имения находилось 5 заводов: Билимбаевский, Добрянский, Кыновский, Очерский и Павловский [Агафонова, с. 173; Милованов, с. 10—11].

Первые попытки к сбережению лесов и внедрению правильных вырубок в Пермском имении графов Строгановых относятся к 1815 г., когда по предложению управляющего Главной конторы Ф. И. Ласковского главноуправляющий Пермского имения Я. Г. Волегов отдал указание «об охранении лесов». По этому предписанию «квартирные дрова для всех господских и крестьянских надобностей» следовало рубить только из ваlejника, а приказчики должны были указывать крестьянам лесосеки для рубки строевого леса.

По просьбе П. А. Строганова 11 августа 1817 г. Сенатом его владения в Пермской губернии были названы «заповедными» и утверждены в качестве майората, получив название «Пермское нераздельное имение» [Рогов, с. 13].

В 1824 г. управляющий Главной конторы Л. И. Ослоповский составил приказ «всем местным начальствам» о запрещении крестьянам жечь костры «в жаркую пору». Тогда же была учреждена первая лесная стража Пермского майората. В его состав входили: 3 главных смотрителя, 11 смотрителей и «досмотрщики» из крестьян, которые заведовали «дистанциями». Число последних не было определено вплоть до 1847 г. [Глушков, с. 977]. До приезда А. Е. Теплоухова за лесами, приписанными к горным заводам, наблюдали сельские старосты и выборные от крестьянских обществ.

Для управления майоратом хозяйство Строгановых было разделено на шесть округов, в каждом из которых были свои управляющие, окружные правления и заводские конторы [Горовой, с. 30]. Большое внимание уделялось вопросам использования и охраны лесов.

Еще в 1840—1841 гг. под руководством А. Е. Теплоухова были обследованы владения графини С. В. Строгановой в Прикамье. По итогам этого предварительного обследования он отметил изобилие лесов в местах с небольшим населением, а в более населенных — его недостаток. В некоторых округах потребность превышала прирост лесов, в результате они начали приходить в «расстроенное состояние». Крупные деревья ценных

пород почти исчезли в лесах. Как указывал А. Е. Теплоухов, «крестьяне палили лес и рубили его на дрова без всякого ограничения». В лесные смотрители «определялись люди дряхлые и совсем не годные для службы».

В таком положении оказался огромный майорат Строгановых к тому времени, когда А. Е. Теплоухов решил налаживать в нем правильное лесное хозяйство. Естественно, перед ним встал вопрос о неотложных и необходимых лесохозяйственных мероприятиях. Для этого им была разработана следующая программа:

— при помощи надежной лесной стражи «удерживать» крестьян от «произвольного пользования» лесными материалами;

— «учредить справедливое, но многосложное судопроизводство и неукоснительно штрафовать» за нарушение правил;

— для каждого крестьянина определить количество, время и место вырубki леса в течение года; оградить леса от пожаров и других повреждений с помощью стражи и особого устройства самих дач; остановить быстрое уменьшение лесной почвы, расчищаемой под пашни, путем прекращения переложного земледелия;

— приучить крестьян к экономному потреблению лесных материалов;

— ввести бережливый расход горючих материалов на заводах;

— усилить рост лесов путем введения правильных порубок;

— удешевить доставку лесных материалов сплавом, а также посредством улучшения путей сообщения;

— обеспечить доставку лесных материалов на выделенных участках для всех жителей через постоянных лесных работников [Теплоухов, 1857, с. 5—6].

Для последовательного проведения в жизнь намеченных мероприятий надо было «привести леса в известность», то есть произвести съемку, организовать лесную стражу и «устроить» леса.

Работы по лесоустройству были начаты А. Е. Теплоуховым с исследования количества деревьев и пространства, занимаемого лесом, путем съемки и описания отдельных насаждений. В ходе работ одновременно шла подготовка людей для проведения последующих съемок. Делалось это так: одни начинали подробную съемку, обучая в то же время мальчиков, взятых из школ имения, а другие занимались предварительным общим обследованием всех лесов, пользуясь картами генерального межевания, проведенного в конце XIX столетия. Съемка лесов началась в 1841 г. по разным округам одновременно по способу, принятому в Саксонии, где А. Е. Теплоухов в течение целого года принимал деятельное участие в занятиях Королевской лесоустроительной комиссии.

В описании лесных массивов Пермского имения Строгановых участвовало 47 съемщиков, которые под руководством лесничих и таксаторов нанесли на планы и карты более 1 млн десятин за 13 лет [Бейлин, Парнес, с. 32—34; Теплоухов, 1857, с. 46—47].

Для прекращения истребления лесов и их «сбережения», в елово-пихтовых лесах были выделены «заказные» лесные участки, в которых рощ было больше, чем земледельческих угодий. В них была введена «правильная лесосечная рубка: в старых насаждениях — на бревна и дрова, в молодых — на жерди и колья (с целью прореживания)». Только в Ильинском округе было выделено 89 таких лесных участков. Эти участки выделялись искусственными, по возможности прямыми границами. Если в «заказные» участки попадали пашни и покосы, их оставляли под возобновление леса, а крестьянам выделялись другие участки.

Леса имения подразделялись на четыре разряда: на заповедные, для потребностей населения, заводские или промысловые, общие с другими владельцами.

А. Е. Теплоухов установил порядок чередования лесосек для производства выборочных вырубок в лесных массивах. «Для контроля за хозяйственным и экономическим употреблением древесины» составлялись сметы на заготовку лесных материалов, необходимых для работы заводов.

В Пермском майорате штат лесных служителей и стражи в 1844 г. состоял из 243 человек, в том числе главный лесничий, 6 окружных и заводских лесничих, 3 помощника лесничих, лесных смотрителей — 27, лесообъездчиков — 20, сторожевых — 174. Лесная стража должна была смотреть за лесами заводскими, заповедными общими с другими владельцами [ГАПК, ф. 613, оп. 2, д. 184, л. 13 об.].

Лесничему Ильинского округа «в помощь по лесному устройству и хозяйству» по этим штатам были определены: один таксатор, два съемщика и девять сельских лесных смотрителей, для охраны лесов 35 «выборных сторожевых» [Теплоухов, 1859, с. 318].

Деятельность лесничих и лесной стражи была строго регламентирована. Так, главный лесничий входил в главное управление майората и принимал участие в принятии решений по заводской и сельской части. Ему было поручено устройство и управление лесов во всех округах, с правом определять и увольнять лесных служителей и окончательно решать штрафные дела. Отчитывался главный лесничий самой графине Строгановой.

Окружные и заводские лесничие управляли лесным хозяйством округов и заводов. В среднем на каждого из них приходилось до 87 тыс. десятин лесной площади. Жалование лесничим с материальными пособиями

полагалось до 378 руб. серебром в год. Кроме того, каждому полагалась «приличная господская квартира с отоплением, и лошадь с кучером». По хозяйственной части лесничие были подчинены местным управляющим, а по технической — главному лесничему. В их обязанности входило: распоряжения по устройству и охранению лесов, назначение мест порубок и годовых лесосек (с утверждения главного лесничего), наблюдение за правильным употреблением лесных материалов на заводах и крестьянами, заготовка угля, в техническом и хозяйственном отношении, надзор за обработкой крестьянами оброчных лесных статей и штрафование крестьян за проступки.

Лесной смотритель был начальником лесной стражи. На эти места назначались участники съемки лесов. Их обязанности состояли в охране лесных дач, наблюдении за заготовкой лесных материалов, указании крестьянам мест порубок и надзоре за ними, расследовании преступлений, исправлении лесных планов и карт. В среднем на каждого смотрителя приходилось около 1800 десятин леса.

Лесообъездчики выбирались из мастеровых. В круг их обязанностей входил охрана и объезд заводских лесов. Лесообъездчик охранял в среднем 750 десятин лесной площади [Теплоухов, 1859, с. 318].

Лесную стражу составляли сторожевые, которые избирались из крестьян на 5 лет, с согласия лесничих и утверждения сельского начальства. Служба сторожевых считалась общественной, так как крестьяне за леса ничего не платили помещику [ГАПК, ф. 613, оп. 1, д. 115, л. 48—50; д. 118, л. 20; д. 161, л. 1—2]. Лесной страже «за открытие и поимку самовольщиков назначалась вознаграждение в размере пятой части с суммы взысканного штрафа» [ГАПК, ф. 613, оп. 1, д. 184, л. 12 об.]. В 1847 г. было оштрафовано 33 человека на 37 рублей [Трефилова, с. 199].

Граф С. Г. Строганов составил инструкцию об обязанностях лесничих, которым «поручался усиленный надзор за охранением лесов и проведением на практике мер по улучшению лесного хозяйства» [ГАПК, ф. 613, оп. 1, д. 184, л. 14 об.].

Таким образом, организация лесного хозяйства в горнозаводских владениях Строгановых была наиболее проработанной и самой эффективной среди других частновладельческих.

Целенаправленная политика по сбережению лесов в Симском горном округе началась с 1841 г. В этом году жителям была запрещена подсечно-огневая расчистка заводских лесов под пашни, крестьяне были наделены «постоянными» участками земли (с целью ограничения роста пашенных площадей), при назначении куренной рубки соблюдался «некоторый последовательный порядок» [РГИА, ф. 892, оп. 1, д. 831, л. 31].

Но этих мер по введению «доброе лесного хозяйства на горных заводах было явно недостаточно. А. Балашев после приобретения Симского округа счел необходимым привести в «известность» леса в своих горнозаводских владениях и придать органам, занимавшимся вопросами ведения лесного хозяйства и углежжением четкую структуру. С этой целью в марте 1844 г. он составил приказ «О лесной части по округу Симских заводов».

Согласно этому документу заводские дачи следовало разделить на девять частей (подлесничеств), которые было необходимо описать и нанести на карты. В каждое подлесничество для сбережения лесных массивов назначался подлесничий или его помощник, «из людей совершенно благонадежных». В лесную стражу по штатному расписанию 1844 г. вошло 12 человек.

Для управления «лесной частью» был назначен особый (окружной) лесничий с помощником. Они следили за «соблюдением в лесах правильного порядка», ежегодно назначали в январе-феврале места вырубок леса для заводских нужд и должны были иметь точные сведения о лесах. Для исполнения обязанностей окружного лесничего требовался человек, знакомый с лесной наукой. С этой целью заводской служитель М. Марков был отправлен на обучение в с. Покровское к ученому лесничему Я. Л. Шумилину.

В октябре 1852 г. созданная система окружного управления горнозаводским лесным хозяйством была закреплена в «Наставлении о лесной части на Симских заводах наследников Балашевых». По результатам топографических работ, проведенных еще в 1844—1845 гг., была определена площадь округа — 248 423 дес. и заводских лесов — 200 353 дес. [Фридрих, с. 7—8]. Заводская дача — «лесничество» была разделена на четыре части — «подлесничества». В каждую из них в «подлесничие» были определены «знакомые с лесным делом» чертежные ученики. Они на местах контролировали деятельность лесной стражи.

В обязанности лесовщиков входило: иметь точные сведения о лесах; по указанию лесничего определять ежегодно места для «куренных» лесозаготовок; наблюдать за самим процессом вырубки и «куренной операцией»; пресекать самовольную порубку в заводских дачах; вести учет вырубленному лесу. Общее число стражников было увеличено до 46 человек.

Таким образом, в Симском горном округе Балашевых было введено «правильное лесное хозяйство, с разделением лесов на делянки и с оборотом, долженствующим обеспечить заводы горючим материалом на вечные времена» [РГИА, ф. 892, оп. 1, д. 831, л. 1—9, 30—43; Безобразов, 264—266].

В 1850-х гг. в Сергинско-Уфалейском горном округе А. А. Кнауфа усилиями нового лесничего К. И. Мейера леса были «приведены в ясность и в них введено расчетливое хозяйство». Была проведена работа по описанию лесных дач, был составлен план рубок на 60 лет вперед и проложены новые дороги для доставки лесных припасов и древесного топлива к заводам [Нестеров, с. 713].

Следует отметить, что вышеперечисленные примеры относились к небольшой части негосударственных горных заводов. На остальных частных заводах, пользовавшихся казенными лесами, организация «лесной части» продолжала оставаться удручающей. Поэтому в конце 1847 г. главный лесничий уральских заводов И. И. Шульц составил «Особое соображение по лесной части на частных горных заводах хребта Уральского, казенными лесами пользующихся». В данном документе было предложено разделить все 34 посессионные дачи на десять горных округов, в которых «ближайшие к главным заводам дачи подчинить старшим лесничим, а отдельные — младшим». В общей сложности на частные заводы предполагалось назначить 26 лесных офицеров, окончивших Лесной институт. Жалование лесничим должно было выплачиваться за счет заводов согласно положениям «Лесного» и «Горного» уставов 1842 г. Им в подчинение следовало передать вальдмейстеров, или лесных смотрителей, управлявших «лесной частью» на заводах ранее.

Особое внимание в этом проекте было уделено устройству на посессионных заводах лесной стражи. Количество лесных стражников на двенадцати частных заводах было признано достаточным. В их число вошли Невьянский, Ревдинский, Шайтанский, Холуницкий, Нючпасский, Нювчинский, Пудемский и другие заводы. Было рекомендовано в два раза увеличить число стражи в Бизярском, Бисертском, Молебском, Ашапском, Верх-Исетском и Висимо-Шайтанском заводах.

Этот проект изучался в течение нескольких лет в Лесном и Горном Департаментах, Штабе Корпуса лесных офицеров и Министерстве финансов. Но 6 октября 1851 г. был отклонен. Но при этом главному начальнику уральских горных заводов было предложено передать «Особое соображение» на рассмотрение уральским заводчикам.

Как оказалось, много внимания стало уделяться знаниям людей, отвечавших за сохранность и воспроизводство леса. Так, в ходе переписки 1851—1855 гг. с главными заводскими управлениями посессионных заводов на Урале 14 заводоладельцев дали согласие на содержание «ученых лесничих» [см.: РГИА, ф. 37, оп. 5, д. 329, л. 86 об. — 266].

На основе предложенной главного лесничего уральских заводов И. И. Шульца были изменены штаты лесной стражи Нижнетагильских

заводов. При окружном правлении было образовано «Центральное окружное лесное отделение при заводууправлении». В его состав вошли 11 человек: главный заводской лесничий с помощником, начальник отделения, старший писец, пять чертежников и два лесообъездчика при главном лесничем. В «частные лесные отделения при заводских конторах» было назначено шесть смотрителей лесов, при них десять помощников, писцов и чертежников, десять старших лесообъездчиков и 79 младших, десять лесных сторожей и два куренных мастера. В результате общее число лесной стражи на Нижнетагильских заводах достигло 117 человек [РГИА, ф. 74, оп. 1, д. 303, л. 29].

Несмотря на принципиальное согласие заводчиков на размещение в своих горных округах ученых лесничих, этот проект в связи с реформами 1860-х гг. на многих заводах так и не был осуществлен.

Таким образом, в первой половине XIX в. на Урале горнозаводское начальство и ряд промышленников стали обращать особое внимание на вопросы по организации управления частных горнозаводских лесов. В этом отношении следует особо отметить системы горнозаводского лесного управления, созданные в своих владениях А. А. Кнауфом, Балашевыми, Строгановыми, и Демидовыми. Согласие на осуществление проекта И. И. Шульца большинством уральских посессионеров на обучение за их счет и размещение на своих заводах ученых лесничих свидетельствует о качественном изменении отношения заводладельцев к использованию лесных материалов. Однако эти изменения не могли повлиять на сложившуюся ситуацию, так как на остальных частных горных заводах вопросам организации лесного управления по-прежнему уделялось мало внимания.

Таким образом, в истории развития горнозаводского лесного ведомства на Урале в первой половине XIX в. можно выделить два основных этапа.

Первый этап (первая четверть XIX в.) характеризуется поиском наиболее оптимальных форм регионально-отраслевого управления. С этой целью еще в конце XVIII в. были реставрированы органы управления горнозаводской промышленностью на Урале. В каждом округе при горных начальствах назначался особый лесной офицер по лесным делам, который координировал деятельность заводских лесничих. В этот период органы управления уральским горнозаводским лесным хозяйством представляли собой децентрализованную двухступенчатую систему.

На *втором этапе* (1829—1860 гг.) система органов управления лесным хозяйством уральских горных заводов была усовершенствована. В этот период она была окончательно передана в ведение горного ведомства. С этой целью при Уральском горном правлении была введена долж-

ность главного лесничего уральских горных заводов. В результате горно-заводское лесное ведомство на Урале приобрело стройную трехступенчатую структуру.

В 1830-х гг. в организации управления лесным хозяйством горных заводов происходят коренные изменения на Урале. В связи с сокращением лесных массивов в горнозаводских дачах начинается обострение топливной проблемы. Ее решение правительство видело в дальнейшем совершенствовании лесного законодательства. Забота правительства о сбережении заводских лесов ограничивалась в течении многих лет лишь изданием отдельных положений и правил, которые по существу не выполнялись.

Характерной чертой системы органов управления лесным хозяйством горных заводов Урала во второй четверти XIX в. стала их централизация на региональном уровне.

В результате, в первой половине XIX в. на Урале была сформирована и постоянно совершенствовалась система горнозаводских лесных учреждений, занимавшихся вопросами охраны и эксплуатации лесов «горного ведомства», которую можно условно разделить на три ступени. Функции в системе этих учреждений распределялись как по вертикали (в зависимости от положения учреждения в структуре органов управления), так и по горизонтали (территориально), то есть внутри каждой ступени существовал ряд вспомогательных учреждений, которые обеспечивали оптимальное функционирование всей системы в целом. Уральское горнозаводское лесное ведомство было неразрывно связано с горной администрацией края, которая в этот период неоднократно подвергалась реорганизации. Это отрицательно сказывалось в процессе функционирования органов управления горнозаводского лесного хозяйства. Следует отметить наличие вспомогательных горных учреждений, которые курировали отдельные аспекты лесного хозяйства, но при этом не подчинялись горнозаводскому лесному ведомству.

Агафонова А. А. Организация управления в пермском нераздельном имении Строгановых в первой половине XIX в. // Урал. историч. вестн. 1996. № 3.

Арнольд Ф. К. Лесоводство в Германии, Франции и России. СПб., 1895.

Безобразов В. П. Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов. СПб., 1869.

Бейлин И. Г., Парнес В. А. Е. Теплоухов. М., 1969.

ГАПК. Ф. 300, Пермское горное правление.

ГАПК. Ф. 544. Бергамт Пермского горного начальства.

ГАПК. Ф. 613. Семейный фонд Теплоуховых.

ГАСО. Ф. 24. Уральское горное правление.

ГАСО. Ф. 25. Главная контора Екатеринбургских заводов.

- ГАСО. Ф. 28. Нижнеисетский Железодельный завод.
ГАСО. Ф. 36. Старший лесничий Екатеринбургских заводов.
ГАСО. Ф. 43. Канцелярия начальника Уральских горных заводов.
ГАСО. Ф. 55. Лесное отделение Уральского горного правления.
ГАСО. Ф. 129. Н. К. Чупин.
ГАСО. Ф. 156. Исторические рукописи разных авторов.
ГАСО. Ф. 366. Верх-Исетские заводы.
Глушков Н. Лесное хозяйство в Пермском нераздельном имении графа С. А. Строганова // Лесной журнал. 1906. № 9—10.
Горовой Ф. С. Падение крепостного права на горных заводах Урала. Пермь, 1967. С. 30.
Иванов П. А. Краткая история управления горной частью на Урале. Екатеринбург, 1900. С. 54.
Инструкция об управлении лесной частью на горных заводах хребта Уральского по правилам лесной науки и доброго хозяйства. СПб., 1830.
Иосса А. Н. Отчет о действии Екатеринбургских заводов // Горный журнал. 1857. № 4.
Иосса А. Н. Отчет о действии Пермских заводов // Горный журнал. 1857. № 2.
Истомина Э. Г. Лесоохранная политика России и XVIII — начала XX вв. // Отечественная история. 1995. № 4.
Крылов В. И. Управление лесным хозяйством в дореволюционной России // Лесное хозяйство. 1978. № 9.
Лесной Устав. СПб., 1842. Т. 8. Ст. 356.
Лушикова Н. М. Лесное законодательство в России и горные заводы Урала // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1969. Сб. 8.
Марней Л. П. Формирование структуры министерства финансов в России в первой половине XIX в. // Вестн. Москов. гос. ун-та. 1998. № 6.
Маханек К. С. К истории помещичьего хозяйства на Урале 40—50-х гг. XIX в. // Урал. историч. ежегодник. Пермь, 1970.
Милованов. Новоусольские и Ленвенские соляные промыслы // Горный журнал. 1865. Кн. 1.
Нестеров Н. Леса Сергино-Уфалейских горных заводов на Урале // Лесной журнал. 1887. Кн. 6.
Переход В. И. Основные моменты эволюции уральского лесного хозяйства // Лес. 1916. № 3.
ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 7. № 5203; Т. 11. № 9514.
ПСЗ РИ. Т. 29. № 13472, № 20506, № 20508, № 22208; Т. 31, № 24688; Т. 32. № 25175.
РГИА. Ф. 37. Горный Департамент.
РГИА. Ф. 74. Акционерное общество Нижнетагильского и Луньевского горных заводов наследников П. П. Демидова, князя Сан-Донато.
РГИА. Ф. 892. Балашевы.
Рогов Н. А. Материалы для истории Пермского нераздельного имения графов Строгановых. Пермь, 1892.

Теплоухов А. Статистические сведения об употреблении лесов в заводах и оброчных имениях графини Н. П. Строгановой, состоящих в Пермском, Оханском, Соликамском и Екатеринбургском уездах // Пермские губернские ведомости. 1857. № 31.

Теплоухов А. Е. Сборник лесохозяйственных постановлений и правил в Ильинском округе майоратного имения графини Строгановой // Труды Вольного Экономического Общества. 1859. Т. 3. № 3.

Трефилова Л. А. Обзор семейного фонда Теплоуховых // Уральский археографический ежегодник. Пермь, 1971.

Устав горный. СПб., 1842. Ст. 542—546.

Фридрих И. Ф. Симская горнозаводская дача Н. П. и И. П. Балашевых. Уфа, 1905.

Шелгунов Н. История русского лесного законодательства. СПб., 1857.

Шульц И. И. Подробный отчет Шульца, с планами и ведомостями о состоянии лесного хозяйства на горных заводах Уральского хребта, с драгоценными замечаниями графа Е. Ф. Канкринна // Лесной журнал. 1836. № 5.

УДК 94 (47).07

Л. Н. Велиховский, Т. Н. Кандаурова

ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО СООБЩЕСТВА РОССИИ XIX — НАЧАЛА XX вв.

В статье представлен опыт деятельности российского предпринимательского сообщества по формированию социокультурного пространства в XIX — начале XX вв. Социальная активность и общественная мобильность российских предпринимателей, обеспеченная и поддерживаемая финансовыми и материальными ресурсами, во многом способствовала динамичному включению их в процесс конструирования нового социального и культурного пространства российских столиц и провинции, укрепления и роста социокультурного потенциала страны в целом, обновления социокультурной среды городов и отдельных территорий. Участие в процессе формирования социокультурного пространства осуществлялось как на индивидуальной, так и на корпоративной основе, а также через систему общественного самоуправления, попечительства, развитие меценатской и благотворительной деятельности.

Ключевые слова: предпринимательское сообщество; социокультурное пространство; конструирование культурного пространства; социокультурный потенциал; социокультурная среда; попечительство; благотворительность; меценатство.